

ОЛЬГА АПРЕЛИКОВА

Слово в классе

ПОСОБИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО
УЧИТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Ольга Апреликова

**Слово в классе. Пособие для
современного учителя литературы**

«Издательские решения»

Апреликова О.

Слово в классе. Пособие для современного учителя литературы /
О. Апреликова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931198-6

Что значит — быть современным учителем литературы? Как говорить с подростками о тех важных вещах, которые каждое поколение понимает по-своему? Та мера, в которой мы, учителя, осмысливаем общечеловеческий, общекультурный, литературный контент — зона нашей ответственности. Державин и Пушкин, Фонвизин и Грибоедов, Астафьев и Улицкая, Данте и «петербургский текст», а также психолингвистика и культурные барьеры — в этом сборнике статей для каждого словесника найдется материал для подготовки к урокам.

ISBN 978-5-44-931198-6

© Апреликова О.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
1. Русская классическая литература	7
1. Ода «Вельможа» Державина и стихотворение «К вельможе» Пушкина	7
2. «Недоросль» Фонвизина и «Горе от ума» Грибоедова	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Слово в классе Пособие для современного учителя литературы

Ольга Апреликова

© Ольга Апреликова, 2018

ISBN 978-5-4493-1198-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Что значит – быть современным учителем литературы? Как говорить с подростками о тех сложных и важных вещах, которые каждое поколение понимает по-своему? Мы все видим мир не таким, каков он есть на самом деле, а таким, каким его делает наше воображение, наша воля. Это видение мира мы стараемся передать нашим ученикам, и та мера, в которой мы сами осмысливаем общечеловеческий, общекультурный, литературный и языковой контент, с которым работаем на уроках – зона нашей ответственности. Мышление человека определяется его языком – это особенно справедливо для учителя, который учит детей свободе мысли и ее свободному языковому выражению: ведь, по словам Выготского, «Свобода владения словом увеличивает степень свободы личности».

О чем пособие? Первый раздел – это статьи о классической русской литературе. Державин и Пушкин, Фонвизин и Грибоедов – это имена-символы для истории русской литературы. Они начали «новую эру» в литературе как с точки зрения ломки жанровых градаций, так и в выборе главных тем своих произведений. Понятие «общественного долга» человека и выполнение им этого долга перед государством и согражданами рассматривается ими во многих произведениях и порой поднимается до таких высот поэтического обобщения, что позволяют преодолеть временной и культурный интервал между поколениями и актуализировать тему общественного долга перед современными школьниками. Работа построена на сравнительном сопоставлении произведений: ода Державина «Вельможа» и стихотворение Пушкина «К вельможе»; «Недоросль» Фонвизина и «Горе от ума» Грибоедова.

Второй раздел пособия может быть использован на уроках, посвященных русской литературе последних десятилетий: как для изучения программного произведения (В. П. Астафьев «Царь-рыба»), так и для обзорных, последних в программе уроков литературы, знакомящих одиннадцатиклассников с известными произведениями последних лет (Л. Улицкая «Казус Кукоцкого»). Также материалы пособия помогут учителю подготовиться к аналитической работе на уроке (анализ текста, системы образов, разбор художественных особенностей, присущих названным авторам) и привлечь внимание учащихся к актуальнейшим проблемам современности, уходящим корнями в советское прошлое, о котором и рассказывают в своих произведениях В. Астафьев и Л. Улицкая. Дополняет раздел небольшая статья, посвященная «петербургскому тексту».

Третий раздел посвящен поэме Данте «Божественная комедия», произведению, при изучении которого в школе как дети, так и преподаватели сталкиваются с трудностями, корни которых – в недостатке общекультурных компетенций. Статья призвана восполнить некоторые пробелы и помочь разобраться в сложном литературном материале.

Четвертый раздел – это несколько небольших статей, которые знакомят с некоторыми современными понятиями, которыми грамотный учитель должен оперировать уверенно и свободно, чтобы говорить со своими учениками на одном языке: психолингвистика, конвергентные науки, культурология, культурные и языковые барьеры.

1. Русская классическая литература

1. Ода «Вельможа» Державина и стихотворение «К вельможе» Пушкина

«...Я князь – коль мой сияет дух»

Г. Р. Державин

«Река времен в своем стремленьи

Уносит все дела людей

И топит в пропасти забвенья

Народы, царства и царей»

Г. Р. Державин

Известно, что в январе 1815 года на выпускном экзамене в Царскосельском Лицее престарелого Державина потрясло стихотворение юного Пушкина «Воспоминания в Царском селе» – очень близкое по форме и духу державинским стихотворениям – и он «передал лиру» шестнадцатилетнему поэту. Во всяком случае, понимание ими важности того, что есть творчество и в чем долг поэта, во многом сходно, и в творчестве Пушкина прослеживаются и самые важные для Державина темы, идеи, мотивы. Стоит сравнить хотя бы переложения оды Горация, державинский «Памятник» и «Памятник» Пушкина, а до пушкинского «Евгения Онегина» сочинение Державина «Евгению. Жизнь Званская» (1807) – наиболее яркое в русской литературе произведение, возводящее в поэзию повседневную жизнь человека. Пушкин – гений, но и Державин велик, как гениальный поэт-художник вообще, как первый русский поэт-реалист. В. Г. Белинский писал о нем: «В стихах Державина видна практическая философия ума русского... главное отличительное свойство есть народность... состоящая не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи. В сем отношении Державин народен в высшей степени». А о Пушкине еще при жизни говорили, как о символе русской духовной жизни. Еще в 1834 году Гоголь писал о нем: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он явится, может быть, лет через двести».

Державин, как и Пушкин, начал «новую эру» и с точки зрения ломки жанровых градаций и теории стиха. Гоголь писал об этом: «Слог у него так крупен, как ни у кого из наших поэтов... это происходит от необыкновенного соединения самых высоких слов с самыми низкими и простыми». А о Пушкине тот же Гоголь говорил: «Каждое слово необъятно, как поэт...»

По содержанию творчества и способам поэтического обобщения Державин, по преимуществу, поэт-классицист: идеи просвещенной монархии и выполнения каждым своего долга перед государством; риторичность, рассудочность, ораторский пафос од. Но вместе с тем «Художественная система Г. Р. Державина значима лишь в отношении к тем запретам, которые он нарушает с неслыханной для его времени смелостью. Поэтому его поэтическая система не только нарушает классицизм, но и неустанно обновляет память о его нормах» (Ю. М. Лотман). Или, как писал другой филолог: «...для его могучего поэтического дара, воображения, слога машина классицизма оказалась малопригодной» (В. С. Баевский) Его психологическая зоркость прямо подготавливает поэтическое мышление Пушкина.

До Державина (Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков) оды писали на смеси церковнославянского и обычного русского языка, что было малопонятно даже людям грамотным. Державин свел поэзию на землю, заговорил понятным русским языком, нарушая иногда приня-

тые нормы и даже правила грамматики. Зато язык этот был живым, образным и живописным. Белинский называл стихи Державина «страшными» по их выразительности и силе. От Сумарокова Державин перенял резкую публицистичность своих произведений, гораздо более оригинальных по форме; от Ломоносова у Державина осталось одно: утверждение положительного идеала путем показа положительного примера – причем этот прием избирает и Пушкин в своем стихотворении «К Вельможе». Державин же ищет свой идеал там же, где искали его почти все писатели 18 века – в теории просвещенного абсолютизма. Пушкин – совсем в другом.

Политическая позиция Державина достаточно ясна. Участник подавления крестьянской войны Пугачева, он убедился, что народ темен, безграмотен и ненавидит дворян. Освободи его – и снова поднимется крестьянское восстание и уничтожит дворян. Только монарх с помощью просвещения и исполнения справедливых законов может предотвратить народный бунт. Просвещенный абсолютизм – вот что нужно России. Абсолютизм ставил знак равенства между государем и государством. Поэзия должна была служить им.

Отсюда следует основная гуманистическая идея, которую Державин решал на протяжении всего своего творчества. Еще в оде «На рождение в севере порфирородного отрока» Державин заметил, что лучший, «божественный дар», «добротам всем венец» монарху – это быть «на троне человеком» – вообще в поэзии Державина само слово «человек» требовало высокой нравственности и гражданственности и являлось наивысшей похвалой. Но именно в вельможах – он очень хорошо знал вельмож екатерининского времени, под началом которых ему приходилось служить – он не видит никакой человечности. Это один из самых острых моментов его творчества, который так или иначе решается постоянно. Еще в оде «Фелица» заявляет протест не только против излишеств и роскоши знатных, но и против их произвола и равнодушия к людским нуждам. Еще одно стихотворение на ту же тему, «Властителям и судиям» – переложение 81 библейского псалма, где обличается неправда, неправосудие земных царей, цензура запрещала дважды. В стихотворении «Облако» он прямо говорит: «Быв идолы – бывают прах». Обличительная же, «гневная» ода «Вельможа» (1794год) тайно распространялась в списках по всей России. Она рождена возмущением против несправедливых и злых, против нарушения законов. Она – воззвание к сильным мира соблюдать высшую справедливость во всем:

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть польза, слава, честь.

Предлагая высокую программу действий властителям, Державин повторяет прием Ломоносова, который, восхваляя, диктовал. Но Державин прекрасно понимает – И Пушкин, разумеется, тоже – что эта высокая программа гуманной справедливости не может быть осуществлена, так как права властителей и вельмож в сущности незаконны: «Се глыба грязи позлащенной!» Прием антитезы, использованный в «Вельможе», являет нам реальный образ «второго Сардапала», классически наивно противопоставленный идеальным вельможам,

...Которые собою сами
Умели титулы заслужить
Похвальными себе делами.

Тем не менее призыв к идеалу явлен в этой гневной оде. Спустя больше трех десятков лет, наполненных крайне значимыми для европейской и российской истории событиями, Пушкин пишет свое стихотворение «К вельможе» (1830 год) – и уж тут само поименование князя Юсупова «вельможей» становится значимым. «Вельможа» у Пушкина – это прежде всего сановник 18 века: «Ступив за твой порог, я вдруг переносюсь во дни Екатерины». Что касается современных Пушкину «подпор трона», то в отношении них Пушкин не питает ни малейшей иллюзии – для него они «собрание насекомых»: кто «злой паук», кто «российский жук», кто «черная мурашка», и все «пронзенные насквозь, рядом торчат на эпиграммах». Типичный сановник 20—30 годов 19 века для Пушкина – это, как граф Воронцов:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда
Что будет полным наконец.

И уж конечно Пушкин далек от намерения преподать им какой-то благой пример для подражания. Даже Юсупов из стихотворения – никак не образец для подражания, а, скорее, символ ушедшего века.

Поэтическое творчество Державина длилось около полувека, и оно стало художественным отражением его времени. Для Пушкина дух времени – одна из основных тем творчества. В связи с этим можно провести еще одну смысловую параллель между этими двумя стихотворениями. Стихотворение «Вельможа» было написано в 1794 году, и Державин не мог не знать о событиях во Франции, начавшихся в 1793 году. Стихотворение Пушкина «К Вельможе» прямо упоминает об этих событиях. Таким образом, можно рассматривать державинское стихотворение, «праведну песнь», как некое последнее – наивное и почти безнадежное, несмотря на всю гениальную красоту слога – предупреждение «вельможам», которым никак не стать «здравыми членами тела», давно сгнившим в воровстве и равнодушии. Пушкину же ясно, что все предупреждения – и даже французская революция – для благородных подлецов бессмысленны. Общественное благо – пустой звук для сановников, а потому внимание его обращено к реальному внутреннему миру князя Юсупова, к его блистательному прошлому и нынешнему угасанию в Архангельском.

Державин – поэт, новатор, гуманист, просветитель, гражданин, патриот – по праву был назван Белинским отцом русских поэтов. Более двух десятков лет, до начала 19 века, он стоял во главе русской поэзии. Пушкин же, «солнце русской поэзии», наследовал многие из державинских новаций. И Державин, и Пушкин отказывались от нормативности стиха, от «правил», и от Державина Пушкин действительно «перенял лиру» в том смысле, что понимал новое, державинское видение мира и отражение его в стихе, развивал его по многим параметрам: это и идея ценности личности, внимание к этическим проблемам, вопросам морали частного человека и общества, образ автора, органически входящий в произведения, создание индивидуальных характеристик людей, обилие конкретных намеков, внимание к бытовым деталям, воплощении быта в живописно-пластических образах, смелое сочетание прозаизмов и просторечия с высокой архаизированной лексикой, эксперименты... в области метрики, строфики, рифмовки; поиски индивидуальной формы произведения, пристальный интерес к проблеме национального содержания и национальной формы – то есть отказ от критерия «изящного вкуса», единого для всех времен и народов, и, главное, понимание исторической и национальной обусловленности человека, народов, литератур.

Все это отчетливо прослеживается при сопоставлении стихотворений Державина «Вельможа» и Пушкина «К вельможе», все это мы наблюдаем и в том, и в другом стихотворении.

В стихах Державина и Пушкина, и это видно в «Вельможах», жизнь звучит многими красками и подробностями, не смотря на ораторский пафос «идеальных» вступления и заключения державинского стихотворения и иносказательные вариации, архаичные эпитеты – словно в подражание 18 веку – в пушкинском. Державин, – может быть, первый в русской литературе, – осознал, что искусство слова – это искусство детали. Пушкинская же деталь – это предмет серьезных филологических исследований. У Пушкина в описании жизни Юсупова, сквозь которую он рассматривает события, произошедшие в России и Франции – каждая строфа полна конкретно-исторических и образных деталей, гениально отражающих мысль и чувство:

Там ликовало все. Армида молодая,
К веселью, роскоши знак первый подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветреным двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?

Итак, главное отличие двух рассмотренных стихотворений не только в жанровом смысле – «гневная» ода и «послание», не только в стилистическом, обусловленном развитием теории стиха различие – но в принципиальном решении главной гуманистической проблемы. Вельможа у Державина должен, но не способен выполнять свой общественный долг быть «славным» не роскошью – то есть не воровать, не грабить, не предавать, не лгать, а быть «Царю, закону, церкви друг». У Пушкина вопрос об общественном долге сановника, фигуры, могущей повлиять на общественное благо, явно никак не ставится. Он скрыт, закодирован, зашифрован в описании событий французской революции – и это скорее осторожный, очень тонкий намек на то, к чему, бывает, приводит сильных мира желание жить в свое удовольствие – но тут же и противопоставление кровавой революции в английском парламенте:

...Твой взор
прилежно разбирал сей двойственный собор
Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый,
Пружины смелые гражданственности новой.

Пушкину с сильными мира все ясно. Державину, много от них в жизни потерпевшему, пожалуй, тоже. Тем не менее в его оде еще звучит классический призыв к идеалу. В послании «К Вельможе» у Пушкина, идеал, пожалуй, разве что в самом утонченном старике Юсупове, который уже не участвует «в волненье дел мирских», символу утонченного «изящного» 18 века, противопоставленному высокопоставленным подлецам века Александра I, «воспитанного под барабаном». 18 век многими культурологами понимается, как «век гармонии», и с этой точки зрения можно заключить, что в стихотворении Державина эта пресловутая «гармония» идеального с реальным присутствует – лишь опосредованно – в самом этом пафосном, но безнадежном призыве к идеальному образцу просвещенного абсолютизма, в тоске по этой самой «гармонии»; в стихотворении Пушкина проблема общественной «гармонии» ставится лишь как некая недостижимость, следовательно, достичь хоть какой-нибудь гармонии человек способен лишь в жизни частной – да и то весьма условно, и – ценой отказа от любых действий в пользу гармонии общей.

Различие обуславливает и жанровая задача. У Державина – «гневная» ода, призыв-обличение-призыв; у Пушкина – стихотворное послание, которое старому князю (он через год умрет) пожалуй, польстило. Тем не менее общий знаменатель этих двух произведений находится в сходном понимании истории и Державиным, и Пушкиным. У Пушкина ключ в том, что

все послание описывает Прошлое, что «...все, все уже прошли», что жизнь старого вельможи подходит к концу – но не сатирически ли звучат строчки:

...Ты понял жизни цель – счастливый человек,
Для жизни ты живешь...

Для какой жизни? Для чьей? Стихотворение дает недвусмысленный ответ – для собственной. Точно так же и у Державина вельможа в своих чертогах наслаждается прихотливыми обедами и ласками лилейно-розовых Цирцей – зевая в пресыщении. Юсупов разве что «свой долгий ясный век» еще «смолоду умно разнообразил», то есть не пресытился благами жизни и искусством, будучи дипломатом, заведя театрами и Эрмитажем. Пушкин посещал Юсупова с 1827 года, и очевидно, что Юсупов наверняка умом, утонченностью, ощущением и поиском во всем гармонии, свойственными 18 веку, и даже своей жизнерадостностью превосходил многих современников Пушкина и был ему интересен. Повторимся, послание польстило старику и в этом смысле идеально решило свою задачу стихотворного послания. Но итог жизни вельмож все таки один, еще державинский, тот самый, из 81 псалма («Властителям и судиям»), и Пушкин тоже не мог не помнить этих строк:

И вы подобно так падете,
Как с древ увядших лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

2. «Недоросль» Фонвизина и «Горе от ума» Грибоедова

«...Люди и скоты, составляющие род животных, имеют между собою ту разницу, что скот никогда человеком сделаться не может, но человек иногда добровольно становится скотом.»

Д. И. Фонвизин

«Молчалины блаженствуют на свете!»

А. А. Грибоедов

Обе комедии являются шедеврами русской драматургии, остающимися злободневными и в наши времена – поскольку их общественная, социальная значимость неисчерпаема. К тому же идейно-тематическая направленность и композиционные решения «Горя от ума» во многом были предвосхищены «Недорослем». Еще Гоголь сопоставлял обе эти комедии и говорил, что обе эти пьесы по праву «можно назвать истинно общественными комедиями». А поскольку, по справедливому замечанию В. Г. Белинского, «...литература есть выражение сознания народа», то проблема здравого смысла как одного из параметров сознания нации и отражение этой проблемы в классических произведениях является достаточно значимой, чтобы подробно рассмотреть, каким же образом здравый смысл программирует поведение персонажей этих комедий.

В обыденном смысле «здравый смысл» не является негативной составляющей нашего мышления. Наоборот, он представляется набором неких, проверенных многими поколениями житейских правил, благодаря которым мы не совершаем множества повседневных глупостей и имеем возможность не думать самостоятельно. Возможно, правила «здравого смысла» с какой-то стороны граничат с требованиями этикета, поскольку и то и другое в значительной мере облегчает нам общение с самыми разными – приятными или отвратительными – людьми. Благодаря тому и другому мы избегаем неприятностей, удовлетворяя собственный эгоизм – подальше от хлопот. И если мы продолжим полагаться на тот же самый здравый смысл в ситуациях, которые требуют более-менее серьезного нравственного выбора, – ведь так заманчиво снять с себя ответственность за выбор, переложить ее на плечи большинства, – и поступать не так, как подсказывает совесть, а так, как удобно, то очень скоро деинсталлированная из сознания, неиспользуемая совесть отомрет, а «здравый смысл» превратится сперва в житейскую хитрость, как у Молчалина, а далее в подлость, как у господ, объявивших Чацкого сумасшедшим, и затем в то самое скотство, которое демонстрирует госпожа Простакова, в эгоизм животный, пищеварительный, особенно омерзительный потому, что голос совести в среде развращенного крепостничеством и алкоголизмом провинциального русского барства, оправдывавшегося непонятым, извращенно истолковываемым православием, глушился в сознании ребенка еще в «нежном возрасте». Здравый смысл, как оправдание любого эгоистичного поступка, любой подлости, неискореним потому, что он удовлетворяет инстинкты, которые лежат в основе нашей физиологии, которые гнездятся в стволе мозга – и является идеальнейшим способом заглушить голос совести. Особенно когда человек поставлен в рамки какого либо жесткого испытания – и тогда становится ясно, кто подвластен своей животной натуре, а у кого еще живы высшие функции коры головного мозга – честь, честность, совесть, благородство, целомудрие, альтруизм, гуманность, чувство справедливости и тому подобные уязвимые качества сознания, которые в условиях современной российской действительности для подавляющего большинства особей не только не являются императивом поведения, но и в системе убеждений несут отрицательное значение, так как являются причиной дискомфорта.

Здравый смысл – и как правила общения, и как способ не думать самому, и как оправдание собственной гнусности – действительно важный фактор поведения героев той

и другой комедии. Он является тем начальным стимулом, который вынуждает действовать отрицательные персонажи – и противопоставлен человеческому уму положительных. Сам Грибоедов называл Чацкого человеком, который именно своим умственным превосходством над фамусовским обществом «...разумеется в противуречии с обществом, его окружающим». Но именно это общество объявляет его сумасшедшим; ум и образование Чацкого ничего не стоят в их глазах, потому что он грубо нарушает общепринятые, подразумеваемые всеми и во всем правила так называемого здравого смысла. Простакова так же объявляет бессмыслицей и дурацкой наукой все, что превосходит ее понимание – вспомним ее на уроке у Митрофанушки: «Врет он, мой друг сердечный. Нашед деньги, ни с кем не делись. Все себе возьми, Митрофанушка. Не учишь этой дурацкой науке». А теперь сравним это со словами Стародума, когда он говорит Софье: «Не тот богат, кто отсчитывает деньги, чтобы прятать их в сундук, а тот, кто отсчитывает у себя лишнее, чтоб помочь тому, у кого нет нужного... Дворянин считал бы за первое бесчестие не делать ничего: есть люди, которым помогать, есть отечество, которому служить». Разве в состоянии Простаковы, Скотинины, Фамусовы, Репетиловы, Молчалины понять такие странные вещи? Кому-то помогать, чему-то служить – во имя чего? Впрочем, Стародум потому и именуется в комедии «Стародумом», что призван выражать довольно-таки наивные идеи уходящего 18 столетия с его надеждами на просвещенный абсолютизм, когда, как в стихах Державина, «вельможи – здравы члены тела» и служат «подпорами трону». «Опасный человек» Чацкий уже ни на что подобное не надеется. Для него это «век минувший», когда «дома новы, а предрассудки стары». Потому он и уезжал из Москвы, что ему тут тошно от всевластия этого самого здравого смысла, которое превращает людей в скотов:

Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.

Но что противопоставляет здравому смыслу Чацкий? Ученье, то самое, которое «чума» для Фамусова? Просвещение? Но «дурно понятое» (Гоголь) просвещение в дворянской среде оборачивалось чаще всего лишь «смещением французского с нижегородским». Гоголь писал о Чацком: «...сам Чацкий показывает *только* стремление чем-то сделаться, выражает негодование противу того, что презренно и мелко в обществе». Чацкий еще никто, он только представитель той социальной группы, которая «головой бьет в каменную стену общественных предрассудков», «тип декабриста» (Герцен) – и тем не менее он носитель таких качеств, которые противопоставлены общему «здравому смыслу», прежде всего – неотступного стремления сохранить верность своим идеалам правильного мироустройства, благородству, честности, жажде справедливости.

Понятно, что одна из функций образа Чацкого, а также и образов Стародума, Софьи, Милона, Правдина у Фонвизина – это именно своим антагонизмом глубже и отчетливее подчеркнуть омерзение и убогость Фамусовых и Скотининых, глубже прорисовать социальный портрет этой огромной общественной группы. В чем же проявляется этот антагонизм? Именно в постоянном нарушении и презрении правил привычного, житейского, такого удобного и проверенного поколениями общего здравого смысла, в стремлении к таким правилам жизни, которые будут честны, справедливы и одухотворены высокими идеалами.

Проанализируем поступки героев обеих комедий. Начнем с комедии Фонвизина, где диктат «здравого смысла» доведен до логического апогея, где он превращает людей в скотов, с комедии, где, по справедливому замечанию первого биографа Фонвизина, П.А.Вяземского, автор «негодует на порок и клеймит его без пощады, если же и смешит зрителей картиною выведенных злоупотреблений и дурачеств, то и тогда внушаемый им смех не развлекает от впечатлений более глубоких и прискорбных». В наши дни кажется, что комедия Фонвизина построена на гротеске, на огромном сатирическом преувеличении, но, вчитываясь, начинаешь

понимать, что преувеличения-то большого не было, что есть в человеческой природе то самое животное начало, которому так легко дать волю, прикрываясь удобными правилами общепринятого здравого смысла. «Все в этой картине кажется чудовищной карикатурой на русское, а между тем ничего в ней нет карикатурного: все взято живьем с природы и проверено знанием души» (Гоголь) Это действительно так, да ведь и главный принцип сатирических произведений – выставить напоказ что-то привычное, с чем все прекрасно сжились, и тем самым показать, насколько омерзительно и убого это привычное в сравнении с идеалом, с тем, что могло бы быть, живи люди честно, по совести, соблюдая хотя бы уже тысячи лет назад явленные человечеству Заповеди Моисея – но нет! Простакова ведь не старуха, от обжорства и злобы впавшая в маразм, нет, ей нет еще и сорока лет. Дело в том, что деградация человека происходит очень быстро, а если вдобавок и более-менее нормальный уровень человечности никогда и не достигался? Если поколениями задача воспитания сводилась лишь к тому, чтобы в обожравшегося пятью булочками дитяню впихнуть еще и шестую? Совесть – это высшая функция неокортекса, это что-то столь уязвимое и нежное, что стремительно утрачивается при неиспользовании. И к тому же так ловко заглушать ее голос общепринятыми правилами здравого смысла вроде: «своя рубашка ближе к телу». Пожалуй, что главным стержнем здравого смысла является именно животный эгоизм, а невежество и скотоподобие Простаковой и ее брата делают этот их порок откровенным. Простакова злобствует и издевается надо всеми окружающими, кроме Стародума, Правдина и Софьи, перед которыми заискивает из своих корыстных соображений – вот как бы хорошо женить Митрофанушку на Софье да взять богатое приданое – но эта игра в благородство требует от нее невероятных усилий, и из-под маски всегда виден звериный оскал жадности и грубости. Естественно, что, видя, как Софья ускользает из рук, Простакова прибегла к привычному насилию. Но похищение не удалось, и здравый смысл подсказывает вести себя подобострастно, прикинуться раскаявшейся – и как только ее прощают, здравый смысл ее покидает, и она вопит о страстном своем желании дознаться, кто Софью «из рук выпустил». Животная хитрость отказывает ей, когда нужно преодолеть свою привычку к самовластью. Самостоятельно соображать она не способна. Да и что такое ум как таковой? Стародум в пятом действии говорит: «Ум, коль он только что ум, самая безделица. С пребеглыми умами видим мы худых мужей, худых отцов, худых граждан. Прямую цену дает им благонравие». Но какого благонравия можно ждать от Простаковой, которая никогда в жизни не встречала себе возражений и могла удовлетворять любые свои страсти без ограничений – что пороть крепостных и измываться над мужем-рохлей, что баловать деточку и потакать всем его желаниям, что обирать крестьян и обжираться? Здравый смысл изменил ей, поскольку даже житейской хитрости не за что зацепиться в оскотинившемся уме. Простакова и Скотинин ненавидят все, что превосходит их понимание, своеволие – основа их натуры, и, чтобы не разрушать собственную самоуверенность, извращенный «здравый смысл» делает доминантой их общения с другими презрение к другим, к учености, ко всему, что разрушает сытый мирок. В основе их здравого смысла лежит также и животная, пищеварительная жадность. «По пяти рублей на год да по пяти пощечин на день» – а зачем больше платить «старой хрычовке» Еремеевне? «Мастерски» собирающий оброк Скотинин все свои убытки от соседей сдирает со своих же крестьян – ведь здравый смысл ему подсказывает, что искать законности дороже обойдется: «бить челом – себе дороже». Здравый смысл, наконец, ловко истолковывает в свою пользу и Указ о вольности дворянства: «Дворянин, когда захочет, и слуги высесть не может: да на что же нам дан указ-от о вольности дворянства?»

Герцен, оценивая «Недоросля», писал: «...Фонвизин... успел поставить на сцену свой скотный двор диких помещиков». На протяжении всей комедии Фонвизин выявляет скотскую сущность их «здравого смысла», и то, как точно наследует его Митрофанушка. «Не хочу учиться, хочу жениться» – да зачем ему при этакой-то милой жизни грамматики да географии? Да и маманя поддерживает: «Ты, благодаря бога, столько уже смыслишь, что и сам взведешь

деточек». Картина ясна во всех подробностях, и справедливо замечает Стародум, выражающий в комедии авторскую позицию: «Тщетно звать врача к больным неисцельно».

В комедии Грибоедова «Горе от ума» (правда, Блок называл ее не комедией, а «гениальнейшей русской драмой») здравый смысл в сознании всех – кроме, разумеется, Чацкого – персонажей играет еще более очевидную роль. Только у Чацкого, как персоны идеальной, этот здравый смысл отсутствует напрочь, он «глуп сердцем» – что и позволяет ему не замечать, например, двуличности Софьи, недооценивать Молчалина, рассыпаться в монологах, которые никто не способен понять да и вовсе не слушает. Здравый смысл как фактор поведения других героев этой комедии (исключая разве что служанку Лизу, которая, хотя и довольно оправданно впадает в цинизм, наряду с Чацким является резонером – то есть выражает авторскую позицию) является проблемой достаточно тревожной. Тот же Блок в статье «О драме» писал: «Трагические... прозрения Грибоедова... остались: будущим русским поколениям придется возвращаться к ним... глубже задуматься и проникнуть в источник художественного волнения, переходящего так часто в безумную тревогу...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.